

ПОЛИНА ЖЕРЕБЦОВА

45-я
ПАРАЛЛЕЛЬ

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН,
ОСНОВАННЫЙ
НА ЛИЧНЫХ ДНЕВНИКАХ АВТОРА**

**ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2017**

ВСТУПЛЕНИЕ

«Дождь. Небо затянули серые тучи. Их кровавым лучом прожигает оранжево-красное солнце. За холмом стреляли из тяжелых орудий, и земля слегка сотрясалась, напоминая о том, что каждый день, прожитый на моей родине, мог стать последним.

Я видела сны о том, как на землю хлынули волны, как земля уступила стихии воды и мы стали ее частицами, преодолев человеческий облик.

Когда-то в моем городе Грозном я маленькой девочкой сидела на санках, будто на скамеечке, в коридоре квартиры, обнимая маму. А по нашему дому на улице Заветы Ильича стреляли тяжелые российские орудия. Кирпичный четырехэтажный дом кренился, словно большой тонущий корабль, и скрипел.

Мама обняла меня и сказала:

— Мы сегодня умрем, но ты не бойся.

А я спросила:

— Как умрем? Мне всего девять лет!

Мама сквозь слезы улыбнулась. Не было ни капельки света, и я не могла это увидеть, но знала — она улыбнулась.

— Для смерти возраст не важен. Такой обстрел нам не пережить. Боже, как страшно!

Хотела почувствовать мамин страх, но не могла — я еще не чувствовала страха, только сильно стучало сердце.

— Что самое страшное в смерти? — спросила я маму.

— То, что мы больше никогда не увидим солнца.

Но мама ошиблась — мы выжили.

В моей жизни с осени 1994 года солнце восходило множество раз, и я научилась классифицировать страх как древний объект осознания.

Сумасшедший Юрочка, мальчик-сосед, тоже ошибался, утверждая, что в комнату влетел снаряд и на самом деле мы очень давно мертвы. Мы не погибли — мы перешли на другой уровень бытия. Я знаю это наверняка, прощаясь с городом своего детства и своей юности.

Прощай, серое дождливое небо! Прощай, кровавое рыжее солнце! Прощайте, пыльные улицы в копоти пожарниц! Я люблю вас и однажды почувствую снова.

Когда земное тело превращается в пепел, мы просматриваем жизнь, захватывая моменты истины: так пусть сегодняшний дождь и канонада за холмом повторятся!

Пусть прогремит гром. Пусть тоннель из кровавого солнца заберет в лучший мир все заблудшие души. Пусть маховые колеса сделают свой оборот».

*Полина.
Дневник 23.11.2004 г.*

Снег, всю ночь падавший из небесной пропасти, к утру растаял, деревья повеселели, обрадовались, что Всевышний услышал их мольбы, увидел тонкие дрожащие ветви и отправил ангелов позолотить горизонт.

Наш временный приют, где я и мама снимали квартиру, потускнел и осунулся от невзгод. Пятиэтажный кирпичный дом, прозванный в народе «хрущевкой», не могли утешить ни ласковые солнечные лучи, ни хрустящая синева неба. Горемыка сник под тяжестью утрат, переживая войну и пожары. Он чувствовал провалами рухнувших этажей смерть младших братьев и сестер, видел разбитыми окнами их черные остовы — напоминание людям о содеянном зле. Наполненный голосами жильцов, дом держался из последних сил и горестно вздыхал.

Все этажи некогда могучего строения накренились в сторону холмов, и дом стал похож на больное животное, лежащее на боку и смирившееся со своей скорбной участью.

Дело было даже не в пробоинах от снарядов, а в том, как сильно он тосковал о мирном времени.

Встав на утреннюю молитву, я заметила, как побеленные холодные стены наполнились влагой. Тонкими струйками водица бежала от потолка к полу, а пар изо рта приобрел очертания неприкаянных душ.

В холоде, без отопления прошли годы, показавшиеся мне столетиями. Ревматические боли дыханием зимы соткали ожерелья внутри тела, и, взяв со стола кружку с водой, я ощутила такие мучения, словно мои руки и лопатки пробили остро заточенные стрелы. Невольно мне вспомнилась картина Тициана «Святой Себастьян», и я сочувственно улыб-

нулась. Декабрьский день чуть слышно просачивался сквозь разбухшие от сырости деревянные рамы и клеенку, заменяющую нам стекла.

Буржуйка напрасно ржавела в углу, мечтая поглотить резной книжный шкаф из орехового дерева. Соседи давно сожгли все, что попало под руку: мебель, паркет, книги.

Война длилась десять лет.

Воспоминания, словно тени, выглянули из-за дверец шкафа, украшенных тяжелыми виноградными кистями.

Возле шкафа тоскливо мяукали кошки. Моя мать Елена заперла домашних питомцев в клетке, чтобы они не разбежались. Я старалась не обращать внимания на кошачьи песнопения, пересчитывая дорожные мешки и сумки.

А мама была сама не своя от волнения.

— Ничего не забыли? Сковородку взяли? Не дай бог забудем сковородку, это же единственная приличная вещь в доме! — бормотала она.

Я махнула рукой. Если честно, мне было все равно, забудем ли мы сковородку. Жальче всего книжный шкаф, принадлежавший некогда моей прабабушке. В лучшие дни своей жизни, до революции 1917 года, он хранил китайский сервиз, а после Гражданской войны его заполнили книгами. Во Вторую мировую от разрыва бомбы шкаф треснул вдоль и поперек, но его по-прежнему любили, поэтому отдали в мастерскую. Старинный шкаф кочевал с семьей из города в город, пока не попал на Кавказ, в Чечню.

Под бомбами я читала прижизненное издание Карамзина «История Государства Российского», собрание сочинений Шекспира 1902 года, труды Льва Толстого, стоявшие на четвертой полке.

Между войнами соседи пытались выкрасть семейный раритет. Угрожали нас убить, если мы помешаем их алчности и корысти, но мы с мамой всегда защищали его.

— Мама, заберем шкаф с собой. Он поместится в машину!

— Нет, Полина! — В мамином голосе послышались нотки упрямства, означавшие бессмысленные и беспощадные споры, если я продолжу настаивать: — Он совсем развалился! Мы его не возьмем!

Я подошла и погладила тяжелые виноградные кисти, покрытые лаком.

— Оставайся здесь, пусть тебя найдет хороший человек, отреставрирует и гордится тобой!

Пора было уходить.

Это наше последнее утро на родной земле. Мы покидаем ее навсегда.

Вещи с третьего этажа я и мама снесли молча и погрузили в кузов «газели», покрытый синим брезентом.

— Посижу пять минут, — сказал наш водитель, следуя местной примете присесть перед дальней дорогой, чтобы все закончилось благополучно. — Мне же еще обратно возвращаться!

Мы остались у кабины. Нам возвращаться не надо. Мы ничего в этих краях не забыли, кроме долгих лет на войне, которых уже не вернешь.

Водитель, согласившийся увезти нас подальше отсюда, высокий худощавый мужчина с зелеными глазами, назвался Асхабом. Здесь, в Чечне, у каждого несколько имен.

Восседая на скамейке, по божьей милости доставшейся со времен СССР как напоминание о некоторой стабильности, когда еще ежедневно не обстреливали чеченские города и села, Асхаб беспокоило поправляя кепку, ворошил копну густых черных волос и тревожно вздыхал:

— У меня жена и трое детей! Родители привели вторую жену. Ей четырнадцать. Не могу я погибнуть сейчас. Есть ли надежда, что вернусь живым домой? Ничего плохого не случится?

Ответов на эти вопросы не было. Мы и сами не знали, как оно пойдет, поэтому утешать понапрасну не стали.

— Аллах все ведает! — сказала мама, кутаясь в шерстяную вязаную шаль. — На все его воля!

— Аминь, — прошептал бледными губами водитель. — Аминь!

Мы забрались в кабину «газели». Клетку с кошками я заранее отнесла в кузов. Пусть радуются, что мы спасаем их от ежедневных терактов.

Хрупкая наледь сверкала под утренним солнцем. Машина тронулась в путь осторожно. Мы щурились от рыжих лучей, маячивших сквозь лобовое стекло.